

К вопросу об истории становления полисемии прилагательного *легкий*

Е. Э. Бабаева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

В связи с возможным пониманием задач истории языка как процесса выявления ряда фактов, предшествующих тому, что наблюдается в синхронии, Анри Фрей писал: «В любой области, будь то фонетика, синтагматика или семантика, историческая преемственность никоим образом не представляет собой объяснения, но является фактом, который сам нуждается в объяснении» [Фрей 2006: 22]. А. Фрей, по сути, имел в виду, что истолкование того, что можно назвать исторической преемственностью, не должно носить линейного характера («*post hoc, ergo propter hoc*»). В более поздних трудах, посвященных теоретическим аспектам исторической семантики, преодоление «линейности» понятия исторической преемственности могло происходить за счет формулировки по отношению к языковому изменению ряда основных вопросов: «*где?* (в какой точке системы), *как*, *когда* и *зачем* происходит изменение» [Косериу 1963: 295]; ср. также мнение Т. М. Николаевой: «При обсуждении фактов языковых изменений могут встать четыре вопроса: *изменяется что (или во что?)*; *как?*; *почему?* и *зачем?*» [Николаева 2013: 41]¹. Поиск ответов на эти вопросы предполагает в том числе выход за пределы собственно лингвистической проблематики в менее строгую область истории, культуры, антропологии и социологии, что связано с подходом к семантической эволюции как к разноуровневому и разнонаправленному процессу. Важную роль в понимании необходимости расширения объяснительной базы диахронической эволюции слов с ее очевидной преемственностью и менее очевидными разрывами сыграла теория речевого взаимодействия и когнитивная лингвистика.

¹ В связи с последними двумя вопросами в работе Т. М. Николаевой обсуждается проблематика телеологии языкового развития; см. также теорию «невидимой руки» («*invisible-hand*»), которая исходит из тезиса о наличии незапланированной целенаправленности естественного языка, изменяющегося благодаря постоянному взаимодействию вариативности и отбора. Согласно данной теории, этот процесс является случайным кумулятивным результатом преднамеренных действий [Keller 1989].

В настоящем очерке я не ставлю амбициозной задачи полного объемного объяснения семантического развития прилагательного *легкий*². Мне хотелось бы обратиться лишь к одному фрагменту эволюции этого слова и представить на его примере некоторое гипотетическое объяснение того механизма, который, как кажется, мог обеспечить развитие полисемии прилагательного.

Краткая характеристика многозначности прилагательного *легкий*

Слово *легкий* относится к прилагательным так называемого «первого ряда» и имеет сильно разветвленную многозначность. Синхронная полисемия слова полностью описана мною в [АС, 5, Ч.2: 55–59]; приведу здесь синопсис, предвещающий словарную статью в этом словаре. Отдельные значения прилагательного объединены в семь блоков:

I. Небольшой вес

легкий 1.1 ‘имеющий небольшой вес’: *легкий чемодан*.

легкий 1.2 ‘невесомый’: *легкая пыль*.

легкий 1.3 перен., наррат. ‘выглядыющий как невесомый’: *легкие облака*.

легкий 1.4 ‘очень тонкий’: *легкая ткань*.

легкий 1.5 ‘сделанный из очень тонкого материала’: *легкое пальтишко*.

II. Быстрота перемещения

легкий 2.1 ‘двигающийся или перемещающийся быстро’: *легкая стрекоза*.

легкий 2.2 ‘как бы летящий’: *легкая походка*.

III. Отсутствие больших усилий

легкий 3.1 ‘выполнимый без больших усилий’: *легкая задача*.

легкий 3.2 ‘воспринимающийся и понятный без больших усилий’: *легкое чтение*.

легкий 3.3 ‘не требующий при взаимодействии больших усилий’: *Сосед по комнате оказался легким человеком, они быстро поладили*.

легкий 3.4 ‘такой, который можно получить без больших усилий’: *С работой стало легче*.

легкий 3.5 ‘достающийся без больших усилий’: *легкая добыча*.

легкий 3.6 ‘быстро усваиваемый’: *легкое блюдо*.

легкий 3.7 ‘не требующий от человека больших усилий для сохранения нормального существования’: *легкая жизнь*.

² О семантическом развитии прилагательного *легкий* в XVII–XVIII вв. в связи с перенесением оппозиции *легкий* vs. *трудный* в область ментальной сферы см. в работе [Бабаева 2011].

IV. Отсутствие больших физических страданий

легкий 4 ‘протекающий без больших физических страданий’: *легкая болезнь*.

V. Небольшая интенсивность или концентрация

легкий 5.1 ‘малой интенсивности или степени проявления’: *легкая грусть*.

легкий 5.2 ‘малой концентрации’: *легкие сигареты*.

VI. Отсутствие важных последствий

легкий 6.1 ‘не очень важный для человека’: *легкое наказание*.

легкий 6.2 ‘не очень важный для участников какой-л. ситуации’: *легкий флирт*.

VII. Отсутствие умения предвидеть последствия

легкий 7 ‘легкомысленный’: *Он казался ей слишком легким и неглубоким человеком*.

К центральным смыслам, пронизывающим многозначность прилагательного *легкий*, можно отнести следующие три: *вес, усилие и интенсивность*. В этом очерке мне хотелось бы сосредоточиться на смыслах *вес* и *усилие* и попытаться выявить их взаимосвязь и взаимовлияние, отчасти обеспечившие развитие полисемии прилагательного³.

Прежде всего обратимся к лексемам **легкий 1.1** (о ноше: *легкий чемодан*) и **легкий 3.1** (о физических и ментальных действиях: *легкая работа*). Есть языки, в которых данные контексты предполагают использование лексем⁴ разных слов, например в кавказских языках [Климов, Халилов 2003: 323]; ср. также лат. *levis* vs. *facilis*⁵. В других же, как и в русском, в подобных

³ Смысл *интенсивность* был, по всей видимости, уже в отдаленный период связан с семантикой праславянского слова **lьgъкъ(jь)*, поскольку представлен во многих его рефлексах; ср., например: болг. *лек* ‘слабый, еле уловимый’; серб. *лак* ‘слабый’ (о ветре); ст.-польск. *lekki* ‘тихий’ (о голосе), ‘нежный’; чеш. *lehký* ‘слабый’ ‘нежный’, ‘тихий’; словц. *ľahký* ‘слабый’, ст.-блр. *ľэгкі* ‘слабый’ (о ветре); блр. диал. *лэ́кі, лехкі, лё́кі, лэхкый* ‘нежаркий’; укр. *легот* ‘зефир, легкий ветерок’ [ЭССЯ, 17: 76–77]; *Вѣтръ же льгокъ ꙗго на соушоу цѣла сїсе* [СДРЯ XI–XIV, IV: 449, Пролог Лобковский, XIII в.]; *Аще терпѣти не можемъ и егда ны легкими бурями биеть* [Там же, Пролог Юрьевский, XIV]. Связь представлений о малом весе и слабой интенсивности прослеживается и в других языках; см. в базе DatSem-Shift переходы №№ 3391 (light of weight → weak (wine, coffee, tea)), 8281 (light of weight → weak).

⁴ В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, я называю лексемой слово, взятое в одном из своих значений.

⁵ Лат. *levis* этимологически родственно русскому *легкий*; слово же *facilis* восходит к глаголу *facere* и указывает на то, что какое-либо действие выполнимо.

контекстах могут употребляться лексемы одной вокабулы, например: греч. ἐλαφρός; лит. *leigvas*; латыш. *vieglis*; нем. *leicht*; англ. *light*⁶.

Для носителей языка очевидно, что в словосочетаниях типа *легкий чемодан* прилагательное характеризует объект по весу. И в большинстве толковых словарей русского языка это значение толкуется через компонент ‘вес’: ‘незначительный по весу’ [БАС, 9: 89; Евгеньева, 2: 168; Ушаков, II: 34; Кузнецов 2004: 489]. Лексема же, представленная в словосочетаниях типа *легкая задача*, толкуется в словарях через компонент ‘простой’ (‘простой для усвоения, содержания чего-л., доступный пониманию, осмыслению’ [БАС, 9: 90]; ‘простой для усвоения, доступный пониманию’ [Евгеньева, 2: 169; Ушаков, II: 34–35]; ‘простой для усвоения, доступный пониманию, решению’ [Кузнецов 2004: 489])⁷. Характерно, что при толкованиях обеих лексем в словарях находим сразу после этой зоны указание на антонимы: для **легкий 1.1** «противоп.: тяжелый», для **легкий 3.1** «противоп. трудный». Практика отсылки к антонимам непосредственно при дефиниции обычно не распространена в толковых словарях, и такой прием свидетельствует о важности опоры именно на оппозицию для осмысления этих значений⁸. Вместе с тем представленные в словарях толкования лексем **легкий 1.1** и **легкий 3.1** оказываются никак не связанными между собой. Для преодоления данного семантического разрыва я предлагаю ввести непосредственно в формулировку первого значения фигуру человека: **легкий 1.1** ‘такой, который имеет вес меньше среднего, так что он оказывает слабое физическое воздействие на другой контактирующий с ним объект и поэтому в случае необходимости человек может передвинуть, поднять или нести его, прилагая небольшие усилия’. В этом толковании оказываются связанными компоненты ‘вес меньше среднего’, ‘слабое физическое воздействие на объект’ и ‘небольшие

⁶ Согласно [Buck 1949: 648], значение ‘easy’ (легкость выполнения действий) в индоевропейских языках развивалось на основе или слов, имеющих значение ‘малый вес’, или слов, указывающих на что-то удобное, подходящее, выполнимое («at hand, convenient, suitable, doable»), что переосмысливалось затем как не связанное с трудностями; ср. также в базе DatSemShift переход № 0901 (light of weight → easy). Одновременно в [Ibid.] высказывается предположение, что к выделенной второй группе примыкают также слова, указывающие на незаполненность, пустоту («uninhabited, empty»; ср. лат. *cavus*); см. об этом переходе также [Иллич-Свитыч 2003: 349–350].

⁷ В то же время в толкованиях соответствующей лексемы слова *простой* в этих словарях обычно встречаются компоненты ‘легко исполнимый’, ‘легко доступный для понимания, выполнения’, ‘нетрудный’, ‘несложный’.

⁸ В свободном ассоциативном эксперименте на слово-стимул *тяжелый* большинство называли прилагательное *легкий*, на втором месте — существительное *груз* [Леонтьев 1977: 176]; см. также [Брудный 1971]. О понятии «ассоциативное значение», которое связано с потенциальным распределением ответов на слово-стимул, см. [Deese 1965].

усилия'⁹. Последний компонент становится центральным в дефиниции лексемы **легкий 3.1**: 'такой, который при его выполнении или других действиях, связанных с ним, не требует от человека знаний, способностей, умений или усилий, превышающих средние'.

Связь 'веса' и 'усилия' хорошо прослеживается в образных употреблении. Так, какое-либо дело, требующее душевных усилий, может называться *тяжелой ношей* или *бременем*. На существующую связь между представлениями о весе и внутренними усилиями, которых требует какое-либо действие, указывают и другие выражения, например: *неподъемное дело*; *взвалить на себя (что-л.)*; *взвалить (что-л. кому-л.) на плечи*; *Это дело ему (не) по силам <(не) по плечу>*; *Он надорвался на этом деле*; а также глагол *обременить (кого-л. чем-л.)*.

Тяжкий vs. легкий (затрудненное движение или перемещение)

Прилагательное *тяжкий*, фиксирующееся с самых ранних памятников письменности, использовалось преимущественно в тех контекстах, где оно характеризовало ношу как имеющую такой вес, который оказывает непосредственное воздействие (давление) на человека. Так, *тяжкий* регулярно встречается в контекстах, где речь идет об объектах, находящихся на человеке и затрудняющих (в силу своей тяжести) его действия и перемещения, например, в сочетании с названиями оков: *и възложьше на нь желѣза тяжка* [КДРС, Пролог (март), XIII]; *желѣза тѣжска на собѣ носѣ. и пребыва в такомъ злѣ сътрадании до трии лѣтѣ. ни тако покоя не вобрѣто(х)* [НКРЯ, Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик (первая треть XIII в.)]; *въложи на тѣло свое желѣза тѣжская* [КДРС, Житие Никиты Переяславского, XVI ~ XV вв.]; *на утрия же въ субботу возложиша соху отъ тяжка дрѣва на выю святого Михаила* [СлРЯ, 30: 285, Рогожский летописец, XV в.]. В подобных контекстах прилагательное *легкий* неуместно, поскольку прагматически на первый план выходит представление о тяжести, т. е. маркируется объект, мешающий человеку двигаться и перемещаться¹⁰;

⁹ Использовать компонент 'усилие' для истолкования слова *легкий* было впервые предложено в работе [Щеглов 1964: 54]; ср. также отнесение слова *тяжелый* к экспериенциальной сфере в [Кустова 2004: 279–307].

¹⁰ С этой точки зрения интересен тот факт, что смысл 'тяжелый', в отличие от смысла 'легкий', входит в список Сводеша [Kassian et al. 2010: 86], что указывает на изначальную большую важность этого понятия. Этимологически слова, обозначающие 'тяжелый', могут быть связаны с представлением об усилии ('тянуть', 'напрягать', 'поднимать', 'удерживать' [Buck 1949: 1072]), ср. праслав. **teg-*, **tegnqti* [Фасмер, IV: 139–140]; гот. *hafjan* [Hoad 1996: 213].

ср., однако, употребление наречия *легко* для указания на то, что человек не имеет на себе оков, хотя в данной ситуации ожидалось, что он их имеет: *повелѣ легько ихъ вести въ тем'ницѣ* [ССЯ, II: 147].

Метафорическое же употребление слова *бремя* (*беремя*) фиксируется с самых древних памятников письменности. Как показывают контексты, подобное употребление слова *бремя* подразумевало возможность указания как на малое, так и на большое количество усилий: *легкое бремя* vs. *тяжкое бремя*¹¹. Метафора *легкое бремя*, достаточно редко встречающаяся в современном русском языке¹², присутствует в старославянских текстах: *Брѣмѣ мое лѣгько естъ* (ἐλαφρόν) Матф. 11:30 [ССЯ, II: 147]; тж. в Остромировом Евангелии 1057 г. [СлРЯ XI–XVII, 8: 188]; ср. в Изборнике 1076 г.: *парѣмъ мои благѣ юсть: и брѣмѣ моѣ лѣгько* (ἐλαφρόν ἔστιν) [СДРЯ, IV: 445]. Из старославянского языка в ранние древнерусские памятники перешло также метафорически осмысленное словосочетание *тяжкое бремя*: *Фарисеи... связываютъ бо брѣмена тяжьская и неудобьносима и въскладають на плеща члѣвчьска* [СлРЯ XI–XVII, 30: 285, Остромирово евангелие, 1057 г.]; *слы(х) са бѣша гнѣшаи. и ѿ дѣл и(х) възврататъ лице свое. сѣ же наказаніа тѣ(х) развергоша за са. акы бремя тѣжко по хотенію ср(д)ца и(х) ходиша* [НКРЯ, История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.].

Легкий vs. тяжелый (перемещение налегке)

Большой вес человека, не имеющего при себе тяжелой ноши, отмечается также в связи с его неспособностью эффективно действовать, быстро двигаться или перемещаться: *бѣ бо болеславъ великъ и тѣжекъ юдва на конѣ мога сѣдѣти* [НКРЯ, Нестор Печерский. Чтение о Борисе и Глебе, вторая пол. XI в.]; *все слабые и тяжкие люди онѣ есть, не войскавые* [КДРС, Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок, 1675 г.]; *азъ есмь человекъ тѣжекъ како могу проити сквозѣ тѣсная врата* [КДРС, Смерть Авраама, XIII в.]. С другой стороны, человек небольшого веса наделяется свойством эффективности действий: *нача [Святослав] вои съвокуплати. многы и храбры. бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ* [СДРЯ, IV: 446, Ипатьевская летопись, ок. 1425]; ср. также сочетание *легкий телом*, указывающее на сухощавость человека и способность действовать быстро:

¹¹ Ср. совр. *легко на сердце* vs. *тяжело на сердце* <на душе>.

¹² Обычно в религиозных контекстах (ср.: *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Евангелие от Матфея, 11:30), *легкое бремя Христово*) или же цитатно, в кавычках: *Страшная, тягостная вещь — талант; может быть, только гений говорит правду; только правда, как бы она ни была тяжела, легка — «легкое бремя»* [НКРЯ, А. А. Блок. Дневники, 1911].

[Китайцы] безпрестанно работают а тѣломъ легки и много ходятъ пѣши [КДРС, Описание книги сея государства китайского или хинского, 1731 г.], а также как бы лишенное плоти тело святого: *легци суци тѣломъ* [святые отцы], *постѣнници бо блху* [СДРЯ, IV: 445, Слова Кирилла Туровского из сборников XIV в.].

Среди разных видов перемещения человека следует выделить военные контексты, предполагающие, что человек преодолевает расстояния, имея при себе оружие разной тяжести; ср.: *Бѣ же скорѣ на бой [татары], такоже и на бѣгание, легци же суце, не обременяющесе ничимъ же тяготиѣ* [СЛРЯ XI–XVII, 8: 189, Ник. Лет., XVI в.]; *рѣмлане же мнѣще тако велми много вѣнде на нѣ, бѣгахъ и противитисѣ не можгахъ. понѣже сѣми тѣлѣци врѣжѣмъ блхъ* [Иудѣи же лѣгци и текоуще по горамъ ꙗ(кѣ) елени [НКРЯ, История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.], а также выражения *легкие люди, легкое войско, легкая конница*¹³.

Соположение представлений ‘налегке’ и ‘быстро’ определило, по всей видимости, появление сочетания *легкие станицы* (о казачьих небольших отрядах, предназначенных для быстрой доставки вестей)¹⁴. Можно сказать таким образом, что устанавливается доступная наблюдению связь между большим или малым весом человека, а также наличием или же отсутствием при нем чего-то тяжелого и скоростью его перемещения.

Способность быстро двигаться была прагматически важна и в том случае, когда речь идет о транспортных средствах с людьми и грузами; ср.: *И се по приключаю Божию бѣша идуще путемъ тѣм купьци на возѣхъ съ*

¹³ Ср. сербохорв. *лак, лака, лака, лако, лако* ‘удобный, легкий для ношения, использования’ (об оружии) [ЭССЯ, 17: 76]; греч. *κοῦφος* ‘легкий’: *κουφότερα ὅπλα* ‘легкое вооружение’ vs. *βαρύτερος ὀπλίτης* → *κοῦφη στρατιά* ‘имеющий легкое вооружение’ vs. *τὸ βαρύτερον τοῦ στρατεύματος*; *κοῦφος* ‘без груза’ [Bailly 1935: 350, 1128]; лат. *levis armatura, gravis miles* [Дворецкий 1976: 588, 462].

¹⁴ Представление о скорости и эффективности можно найти в ряде производных слов, включающих корень *легк-*, например: диал. (якут.) *легач* ‘о быстром, резвом человеке’ [СРНГ, 16: 309]; диал. (моск.) *легковик* ‘о быстром, проворном человеке’ [Там же: 312], ср. также диал. (ряз.) *легкий на ход, легок на помине*. Прилагательное *легкий* могло применяться к частям тела живого существа, прежде всего к ногам: *блхоу моужѣ [...] легци ногами яко серны* [греч. *κοῦφοι*; СДРЯ IV: 445, Хроника Георгия Амартола, XIII–XIV вв.]; *И самодержець великъ показася, и страх его обдержаше вся языческия страны, и бысть велми премудръ и храбръ, и усердъ, и крѣпко силен тѣлом, и легокъ ногама, аки пардусъ, и подобен по всему дѣду своему, великому князю Иоанну* [НКРЯ, Казанская история, 1564–1565 гг.]; см. также *легкие ноги* [СРНГ, 16: 310], диал. (онеж.) *на ножку легонький* [Там же: 314]. Семантический переход ‘легкий’ → ‘быстрый’ представлен во многих языках; ср. греч. *ἐλαφρός*, лат. *levis*, др.-инд. *laghú*; см. также [ЭССЯ, 17: 76–77]; в базе DatSemShift переход № 1471 (light (of weight) → quick).

бремены тяжьскы [СлРЯ XI–XVII, 30: 285, Успенский сборник, Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского, XII в.], а также сочетания *легкий ездой* (двигаясь без груза), *идти тяжелым ходом* (двигаясь с большим грузом). Прилагательное *легкий* регулярно употреблялось применительно к плавучим средствам, лодкам и кораблям, особенно частотным было сочетание *легкий струг*, обозначавшее лодку для быстрого перемещения [СлРЯ XI–XVII, 28: 196]. Известно, что струги на некоторых участках пути тащили волоком, поэтому в данном случае, возможно, речь шла о комплексной оценке веса и скорости: *и тежелье суды покинуша на Серебренке и лѣгкие струги таскали чрезъ волокъ на Тагиль рѣку* [НКРЯ, С. У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку, 1690–1700 гг.].

Легкий vs. тяжкий <тяжелый> (взвешивание)

Представление о большом или небольшом весе объекта как о параметре, который имеет числовое значение, прослеживается в ограниченном количестве контекстов (начиная с XV в.); см: *Свинець бываетъ легокъ* [КДРС, Травник Любчанина, XVII ~ 1534 гг.]; *Квасцы к вѣсу легки* [Там же]; *много [...] вина и медове, и что тяжскаго товара всякого, желѣза и мѣди* [КДРС, Московский летописный свод, конец XV в.]; *бѣ [...] в погребѣхъ вина и медовъ и что тѣжскаго товара всѣакого до желѣза и до мѣди* [КДРС, Ипатьевская летопись, ок. 1425 г.]. В некоторых контекстах объекты признаются легкими, противопоставляясь другим, и в этом случае речь идет о возможности или невозможности без особых усилий поднять и переместить подобный объект: *И повелѣ князь велики Всеволодъ вѣсѣмъ людемъ выйти изъ града со вѣсѣмъ добромъ легкимъ, а съ прочимъ со вѣсѣмъ добромъ ихъ зажеже градъ ихъ* [КДРС, Никоновская летопись, XVI в.]; *прочее тяжьское излишнее множащее въ Волгу вметаши и глубинѣ предаши* [КДРС, Рогожский летописец, XV в.]; *И стояще в нем неделю и обретоши вся сокровенная и всяк товар изнесоши на среду, и что лутчее и лехчее, то поймаши, а что тяжкое, то в Волгу меташе, а иное пожгоши* [НКРЯ, Пискаревский летописец, первая половина XVII в.]; ср. также контекст, в котором сопоставляются природные объекты (стихии): *и яко же въ вещьехъ шбрещеши землю тежьскоу водоу же земле легъчаишоу а шгнь тежъчаишоу пакы въздохъ воды жсть легчаи а шгнь тежчаи* [КДРС, Шестоднев, составленный Иоанном ексархом Болгарским, 1263 г.].

Прилагательное *тяжкий*, указывавшее на большой вес объекта, постепенно начало вытесняться новым прилагательным *тяжелый*, которое фиксируется в памятниках начиная с XIV в.: *Тѣжелѣи нашего полнуда тотъ товаръ* [Срезневский, IV: 1102, Договорная торговая грамота Полоцка с Ригию,

1330 г.]; *Лживо слово, якоже и олово, тяжело* [вар. XVI в.: *тяшко*] *есть* [СлРЯ XI–XVII, 30: 281, Повесть об Акире, XV в. ~ XI–XII вв.]; *А солью, и сел<ь>дью, и рыбою, и всякимъ тяжолымъ товаромъ, кто похочеть торговати въ судѣхъ, и таможенникомъ велѣти тѣмъ людямъ торговати в судѣхъ* [Там же, Дополнения к актам историческим, 1563 г.]; *Тяжелой товаръ, сельди, соль, медъ, свинець... мѣдь... класти за городомъ* [Там же, Разрядная книга, 1618 г.]. Можно предположить, что изначально это прилагательное использовалось именно в параметрических контекстах, подразумевающих оценку точного веса товара. На протяжении долгого времени прилагательные *тяжкий* и *тяжелый* могли использоваться как синонимы. Именно как синонимы в значении «имѣющий великую нарочитую предъ другими тяжесть» эти прилагательные подаются в «Словаре Российской академии»; вместе с тем ими иллюстрируются разные употребления: *тяжелая ноша, тяжелый камень*, но: *тяжкое бремя, Связуютъ бремена тяжка* (Матф. XXIII. 4) [САР¹, VI: 386]. Интересно отметить, что эти употребления указывают на различия в употреблении внутри оппозиции, заложенные еще в древний период, при этом прилагательное *тяжелый* уже вытеснило синоним *тяжкий* в контекстах, где речь идет об объекте, который нужно поднять или перенести. Данные [САР¹] показывают, что в паре *легкий* vs. *тяжкий* <*тяжелый*> маркированным по-прежнему можно считать представление о тяжести; ср. толкование слова *легкий*: «Нетяжелый, невеский, малую тяжесть в разсуждении других вещей имеющий» (*легкия тѣла; Воздухъ гораздо легче воды; легкая повозка*) [Там же, III: 1154].

Легкий vs. *тяжкий* <*тяжелый*> (усилия)

Из необходимости прилагать усилия больше средних для того, чтобы оторвать объект от земли или опоры, передвигать или нести его, логически возникает более широкое противопоставление ‘требующий усилий больше среднего’ vs. ‘не требующий усилий больше среднего’. Особенностью формирования этой оппозиции является то, что оно происходило, по всей видимости, на основе наречий. В древних памятниках представлены контексты, в которых действия (физические и метафорические) противопоставлены по количеству усилий: *Азъ единъ есмь от худыхъ сиротъ града сего, и не имѣю ремесла, како бы корѣмитися легко, да зданія ся творю* [СлРЯ XI–XVII, 8: 191, Пролог, XIV в.] vs. *литовские люди тяжко и беспрестанно ратующие град Троицкой прикативше туры и тарасы многие ко граду* [СлРЯ XI–XVII, 30: 290, Сказание Авраама Палицына, 1620 г.].

Можно предположить, что центральным предикатом были изначально глаголы перемещения (*идти* <*плыть*> *налегке; легко идти* <*плыть*>).

В таком типе контекстов наречие *легко* осмыслялось как *налегке* и, следовательно, быстро и как бы без особых усилий; ср.: *ибо льгко аврамьское прѣиде мѣсто* [СДРЯ, IV: 445, Пролог Лобковский, XIII]; *тѣмь ревнѡуга сии блѣнни прохорѣ. Легко прехоудя поуть. идеже лобода боудаше и на своєю рамоу. тако на крѣлоу в манастирь приносаше. на свою корѣмлю готоваше* [НКРЯ, Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в., список 1406 г.] vs. *А только... тѣхъ судовъ не послали [...] тежело ими вверхъ противъ воды идти* [СлРЯ XI–XVII, 30: 281, Донские дела, 1649 г.]. Современный русский язык не делает различий между физическими и ментальными усилиями (см. **легкий 3.1**). Однако это неразличение возникло достаточно поздно: оценка количества усилий, необходимых для ментальных действий, формируется, по всей видимости, не ранее XVII в. (см. подробнее [Бабаева 2009; 2011]).

Легкий vs. тяжкий <тяжелый> (истоки семантики)

Относительно первичной семантики прилагательного **lǫgьkь(jь)* нет общего мнения, однако некоторые этимологи предполагают возможную семантическую связь праславянского слова с рефлексам общего древнего корня, обозначавшими ‘малый’ или ‘меньше’ [Фасмер, II: 474]¹⁵. Важно, как мне кажется, что прилагательное *легкий* с самого начала употреблений в текстах располагалось на шкале ‘меньше’ vs. ‘больше’, при этом оно могло выражать представление о полном отсутствии веса (о бесплотности), применяясь по отношению к ангелам и душе: *легко айгльское сущѣство* [СДРЯ, IV: 445, 16 слов Григория Богослова, XIV в.]; *сама же та доуша тонька и легька* [Там же, Толковая Палея, 1406 г.]. В этом случае *легкий* не подразумевало наличия шкалы и, следовательно, оппозита. Вместе с тем оно сближалось по смыслу со словом *бесплотный*, которое противопоставлено прилагательному *плотный* (*плѣтанныи*). Следует заметить, однако, что *плотный* использовалось не для указания на телесность как таковую, а для противопоставления телесности (обычно оцениваемой отрицательно) духовности (оцениваемой положительно): *да понеже члѣци соущите плѣтани и немошѣни въ мнозѣхъ грѣсѣхъ соущите: не блѣдемъ собе отъ плѣтнааго грѣха* [НКРЯ, Изборник 1076 г.]; *плѣтании члѣкъ не прикъмлетъ дѣвныхъ* [СДРЯ, VI: 439, Пролог мартовской половины, 1383 г.].

¹⁵ А. Мейе предполагал, что в и.-е. языке из-за семантической близости в какой-то момент произошло смешение двух корней, один из которых (**legwh-/*legh-*) обозначал ‘быть маленьким’, а второй (**lengwh-*) — ‘быстро перемещаться’ [Meillet 1902: 164] (ср. также [ESJSS, 8: 448]).

Итак, для прилагательного *легкий* можно выделить три типа контекстов.

1. В некоторых случаях *легкий* может указывать на свойство, благодаря которому объект относится к особому классу объектов ('бесплотный', 'невесомый'); при этом для данного прилагательного нет оппозита, соотносимого с ним семантически.

'меньше' vs. *'больше'

'вес' (отсутствие веса или максимально малый вес): *легкий*

2. В других контекстах семантика прилагательного определяется связью с оппозитом, расположенным на противоположном конце шкалы. На основе представления о большом весе груза, который с силой давит на контактирующего с ним человека (опору), развивается оппозиция *оказывающий большое давление на опору* vs. *не оказывающий большого давления на опору*. Большой вес груза, как и очевидный для наблюдателя большой вес самого человека, определяет развитие оппозиций *медленное перемещение* vs. *быстрое перемещение*; *тесненные движения* vs. *свободные движения*. Следующим шагом в развитии семантики является кристаллизация представления о количестве усилий.

'меньше' vs. 'больше'

'вес' (меньше): 'вес' (больше)

оппозиция *легкий* vs. *тяжкий* <*тяжелый*> →

а) 'движение' / 'передвижение': оппозиция *легко* ('налегке' → 'быстрее') vs. *тяжело* ('имея тяжелую ношу/тяжелый груз' → 'медленнее');

б) 'усилия' (меньше): оппозиция *легкий* vs. *тяжкий* <*тяжелый*>

3. Кроме того, вес может выступать в качестве параметра, выражающегося количественно:

'меньше' vs. 'больше'

'вес' (меньше): 'вес' (больше)

оппозиция *легкий* (товар) vs. *тяжелый* <*тяжкий*> (товар).

Следует отметить, что если сближение прилагательного *легкий* со словом *бесплотный* происходит в рамках книжных текстов, связанных с христианским вероучением, то оппозиция *легкий* vs. *тяжкий* <*тяжелый*> во втором и третьем типах контекстов теснейшим образом связана с прагматикой¹⁶. При этом второй и третий типы контекстов демонстрируют разные

¹⁶ С прагматикой, по всей видимости, связано и расположенное на шкале 'меньше' vs. 'больше' указание на малую интенсивность, реализуемое в прилагательном *легкий*. Действия, занятия и состояния человека, а также процессы, происходящие вокруг него, могут характеризоваться как протекающие с меньшей или большей интенсивностью, обычно очевидной для наблюдателя. Прилагательное *легкий* в этом типе контекстов противопоставляется прилагательными, находящимся на другой части шкалы и указывающими на большую интенсивность.

стратегии: в одном случае речь идет об антропоцентричности (соотнесение объекта с количеством усилий, необходимых человеку для действий с ним), а в другом — об объектоцентричности (соположение объектов с эталоном, реализующееся при взвешивании).

Принцип дихотомии в исторической семантике (к постановке вопроса)

Хорошо известно, что существуют три главных типа ассоциаций, присущих мышлению человека: по сходству, по смежности и по контрасту¹⁷. Но если первые два типа имеют большую традицию изучения в контексте проблематики семантического сдвига, то ассоциации по контрасту, несмотря на их очевидную важность для когнитивной деятельности человека, обычно не учитываются исторической семантикой¹⁸. Вместе с тем дуализму древнего восприятия мира посвящено множество ставших уже классическими работ. Исследования показали, что присущий мышлению человека дуализм проступает в качестве некоего порождающего начала особенно отчетливо, когда речь идет о глубокой древности. Принцип дуализма изучали представители разных научных направлений: фольклористы, специалисты по происхождению и ранним формам словесного искусства, антропологи, психологи и лингвисты, обращавшиеся в своих трудах к мышлению человека¹⁹.

¹⁷ Об этих трех типах ассоциаций писал еще Аристотель в сочинении «О памяти и припоминании» («De memoria et reminiscencia», 451b, 16–22): «Выходит, что когда мы припоминаем, мы совершаем какое-то из прежних движений и делаем это до тех пор, пока не начнем совершать движение, которое обычно следует за первым. Вот почему, отыскивая следующее воспоминание, мы мысленно отталкиваемся или от настоящего момента, или от какого-то другого, а также от сходства, противоположности или близости [воспоминаний]» [Аристотель 2005: 411].

¹⁸ Следует заметить, что современная теоретическая семантика обращается к данному понятию. Многие лингвисты отмечают, что смыслы обычно вычленяются благодаря содержащемуся в словах имплицитному противопоставлению; ср. знаменитое рассуждение Ч. Филлмора по поводу слова *вегетарианец*, обозначающего человека, который ест растительную пищу: оно подразумевает, что не все люди — вегетарианцы [Филлмор 1983: 120]; ср. также понятие *фокус внимания*, позволяющее обращаться к множеству альтернативных значений языковой единицы.

¹⁹ Еще М. Бреаль писал, что мышление стремится к соединению противоположностей, причем эта противоположность, как правило, подчеркивается формальным подобием, как, например, в паре *diurnus* vs. *nocturnus* («l'esprit qui associe volontiers les idées par couples, aime à souder entre eux les contraires, en leur donnant même extérieur») [Bréal 1897: 76–77]. Ш. Балли в работе 1909 г. (*Traité de stylistique française*) предполагал, что «противопоставление простых логических понятий является природной

Можно предположить, что ассоциации по контрасту играют важную роль и при диахронном изучении полисемии некоторых слов. Базой для образования и развития полисемии могут служить ядерные оппозиции (например, 'маленький' vs. 'большой'; 'меньше' vs. 'больше'; 'блестящий' vs. 'матовый'; 'съедобный' vs. 'несъедобный', 'обработанный' vs. 'необработанный', 'говорящий' vs. 'неговорящий' и т. д.), многие из которых способны маркировать полюса соответствующей шкалы. На основе этих оппозиций образуются другие, переводящие изначальные смыслы в иную плоскость (так, например, представление о маленьком vs. большом росте может, в частности, переосмысливаться в истории социумов как дихотомия невзрослый vs. взрослый).

На определенном историческом срезе происходит обработка конкретного опыта (ситуации), которая приводит к выделению наиболее важных семантических оппозиций, требующих лексического наполнения. Важно, что конкретная ситуация осмысливается комплексно как состоящая из множества смежных элементов, среди которых — в зависимости от прагматики — в фокус внимания попадает какой-то один. Так, например, ноша и человек, в руках или на плечах которого эта ноша находится, воспринимаются как нечто единое. Если в фокусе внимания оказывается человек (антропоцентричность), имеющий при себе ношу и совершающий какие-либо действия, на первый план выходит идея *тяжести* и, следовательно, идея большого усилия. Вместе с тем наблюдение за медленным или быстрым передвижением человека в зависимости от тяжести ноши заставляет активизироваться представление о *легкости*, поскольку прагматически в этом случае именно оно оказывается важнее. Фокус внимания на ноше заставляет активизироваться шкалу *легкий* vs. *тяжелый* <*тяжелый*> полностью, поскольку подразумевает возможность использования данных прилагательных в параметрических контекстах (объектоцентричность). С другой стороны, восприятие какого-либо объекта как не имеющего веса, бесплотного (*легкий ангел*) вообще

склонностью человеческого ума», вследствие чего абстрактные понятия заложены в сознании человека парами [Балли 2009: 139]. Э. Бенвенист, обратившись к понятию субъективности языка, отмечал, что «осознание себя возможно только в противопоставлении» [Бенвенист 1974: 294]. Е. М. Мелетинский предполагал, что дихотомии (бинарные оппозиции) являлись базовой основой мифологических классификаций, поскольку они «упорядочивают и концептуализуют данные элементарно-чувственного восприятия» [Мелетинский 1976: 85]. В 1992 г. вышла книга «The Attraction of Opposites» с подзаголовком «Thought and Society in the Dualistic Mode» (ред. David Maybury-Lewis и Uri Almagor), в которой антропологи вслед за Клодом Леви-Строссом обсуждали проблемы дуальности на материале, собранном в разных географических зонах (см. подробнее [Иванов 2008]).

не предполагает шкалы и, возможно, поэтому в этих контекстах вытесняется прилагательным *бесплотный*, образующим в разных употреблениях оппозицию со словом *телесный* или со словом *плотский*²⁰.

Можно предположить, что изучение истории развития семантики прилагательных, которые, подобно слову *легкий*, содержат имплицитное отрицание (например, *простой, сухой, голый, чистый, прямой*), должно проводиться в рамках дихотомии, соотносимой с ассоциациями по контрасту. Центральным принципом становления и перестройки полисемии таких слов является смена оппозиций, т. е. вычленение и последующее переосмысление оппозитивов, происходящих под влиянием прагматики, которая определяет смену фокуса внимания.

Источники и литература

- Аристотель 2005 — *Аристотель*. О памяти и припоминании / Пер. и прим. С. В. Месяц // *Космос и душа. Учение о вселенной и человеке в античности и в средние века (исследования и переводы)*. М., 2005. С. 407–419.
- АС — Активный словарь русского языка. Т. 5. Ч. 1. Л / Ред. Е. Э. Бабаева, И. В. Галактионова, И. Б. Левонтина. М., 2025.
- Бабаева 2011 — Е. Э. Бабаева. О легких писателях и сложных мыслях: к истории концептуализации смыслов ‘простота — трудность’ в русском языке // *Слова. Концепты. Мифы*. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М., 2011. С. 27–38.
- Бабаева 2009 — Е. Э. Бабаева. *Простой vs. сложный*: от истории прилагательных к истории оппозиции // *Очерки исторической семантики русского языка нового времени* / В. М. Живов (ред.). М., 2009. С. 315–370.
- Балли 2009 — Ш. Балли. *Французская стилистика*. 3-е изд. М, 2009.
- БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–28. СПб., 2004–2024 (продолжающееся издание).
- Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М., 1974.
- Брудный 1971 — А. А. Брудный. Значение слова и психология противопоставлений // *Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования* / А. А. Леонтьев (отв. ред.). М., 1971. С. 19–27.
- Дворецкий 1976 — И. Х. Дворецкий. *Латинско-русский словарь*. 2-е изд. М., 1976.
- Евгеньева I–IV — А. П. Евгеньева (ред.). *Словарь русского языка*: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- Иванов 2008 — Вяч. Вс. Иванов. *Дуальные структуры в антропологии*. Курс лекций. М., 2008.

²⁰ Однако в том случае, когда речь идет об объекте, который имеет очень малый вес или мыслится как имеющий очень малый вес (например, облако), принцип дихотомии (применительно к весу и движению объекта) сохраняется.

- Иллич-Свитыч 2003 — *В. М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь б-Қ. М., 2003.
- КДРС [Картотека древнерусского Словаря] — Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв.
- Климов, Халилов 2003 — *Г. А. Климов, М. Ш. Халилов*. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
- Косериу 1963 — *Э. Косериу*. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 143–343.
- Кузнецов 2004 — *С. А. Кузнецов*. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.
- Кустова 2004 — *Г. И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Леонтьев 1977 — *А. А. Леонтьев* (ред.). Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
- Мелетинский 1976 — *Е. М. Мелетинский*. Поэтика мифа. М., 1976.
- Николаева 2013 — *Т. М. Николаева*. Диахрония или эволюция? // Т. М. Николаева. Лингвистика. Избранное. М., 2013. С. 41–63.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003–2025 (ruscorpora.ru).
- САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XIII. М., 1988–2023 (продолжающееся издание).
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023 (продолжающееся издание).
- Срезневский I–III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. СПб., 1965–2021 (продолжающееся издание).
- ССЯ — Словарь старославянского языка. Т. I–IV. СПб., 2006.
- Ушаков I–IV — *Д. Н. Ушаков* (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- Фасмер I–IV — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Филлмор 1983 — *Ч. Филлмор*. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 12. М., 1983. С. 74–122.
- Фрей 2006 — *А. Фрей*. Грамматика ошибок (Систематическое описание речевых отклонений от литературной нормы французского языка) / Пер. с франц. Е. Пастернак, Д. Сичинава. М., 2006.
- Щеглов 1964 — *Ю. К. Щеглов*. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964. С. 50–67.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачев (ред.), А. Ф. Журавлев (ред.), Ж. Ж. Варбот (ред.). Вып. 1–42. М., 1974–2021 (продолжающееся издание).

- Bailly 1935 — *A. Bailly*. Dictionnaire Grec-Français. Paris, 1935.
- Bréal 1897 — *M. Bréal*. Essai de Sémantique (Science des significations). Paris, 1897.
- Buck 1949 — *C. D. Buck*. A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages: a contribution to the history of ideas. Chicago, 1949.
- DatSemShift — *Anna Zalizniak* et al. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 2000–2025. URL: <https://datsemshift.ru>
- Deese 1965 — *J. Deese*. The Structure of Association in Language and Thought. Baltimore, 1965.
- ESJSS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. 1–15. Praha, 1989–2010.
- Hoad 1996 — *T. F. Hoad*. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford; New York, 1996.
- Kassian et al. 2010 — *A. Kassian, G. Starostin, A. Dybo, V. Chernov*. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship. Вопросы языкового родства. № 4. 2010. P. 46–89.
- Keller 1989 — *R. Keller*. Invisible-hand theory and language evolution // Lingua, Vol. 77, Issue 2, February 1989. P. 113–127.
- Meillet 1902 — *A. Meillet*. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Partie 1. Paris, 1902.